

Беленов Николай Валерьевич

ТОПОНИМИЯ САМАРСКОЙ ЛУКИ В ЭТНОИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

В данной статье формирование топонимии особого региона Самарского Поволжья - Самарской Луки - рассматривается, исходя из этапов этнической истории этой территории. Излагается авторская точка зрения на относительную хронологию формирования отдельных топонимических пластов на Самарской Луке и их этноязыковую принадлежность. Приводятся этимологии ряда топонимов; часть из них - в порядке рабочих гипотез.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-3/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 3. С. 72-74. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phi@gramota.net

УДК 94(09)(=11/=15)

В данной статье формирование топонимии особого региона Самарского Поволжья – Самарской Луки – рассматривается, исходя из этапов этнической истории этой территории. Излагается авторская точка зрения на относительную хронологию формирования отдельных топонимических пластов на Самарской Луке и их этноязыковую принадлежность. Приводятся этимологии ряда топонимов; часть из них – в порядке рабочих гипотез.

Ключевые слова и фразы: Самарская Лука; топонимика; топонимические пласты; этноязыковая история; археологическая культура.

Беленов Николай Валерьевич, к. пед. н.

*Самарский государственный социально-педагогический университет
belenov82@gmail.com*

ТОПОНИМИЯ САМАРСКОЙ ЛУКИ В ЭТНОИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Самарская Лука – уникальная территория как по своему географическому положению, особенностям рельефа, составу флоры и фауны, так и по историческим судьбам.

Окружённая волжскими водами, она нередко воспринималась в прошлом путешественниками и даже местным населением как остров, откуда и произошли её названия в средневековых источниках – остров Уртубе, остров Зисера [6].

Своеобразная, во многом отличная от истории прилегающих территорий, история Самарской Луки запечатлелась в названиях гор, урочищ, озёр и прочих объектов на территории полуострова.

Весь топонимический ландшафт этого региона можно распределить по историческим этапам. Древнейшими, по нашему мнению, на данной территории являются лимнонимы, которые, как представляется, выполняют здесь ту же функцию консервации архаичной топонимии, которую традиционно играют погамонимы. Однако ввиду особенностей геологического строения собственно реки на Самарской Луке формировались лишь в короткие исторические отрезки, во времена так называемых «малых ледниковых периодов», в остальное же время их заменяла система временных водотоков. В таких условиях функция важных хозяйственных объектов перешла к озёрам, которые в центральной части Самарской Луки представляют собой также большую редкость. Соответственно, их названия – лимнонимы, согласно законам топонимики, и должны являться древнейшими для данной территории. По нашему мнению, часть современных лимнонимов Самарской Луки представляет собой значительно адаптированный последующим населением индоиранский топонимический пласт, который, по-видимому, является здесь древнейшим.

Прежде всего, речь идёт о таких лимнонимах, как: озеро Каль (вместо мордовских этимологий от «каль» с различными значениями – «рыба», «ива», «заосоченное место» (последнее, впрочем, подходит семантически) – мы предлагаем этимологию от индоевропейского «kal», в индоиранских языках имеющего значение «чёрный», с вариациями «грязный», «мутный»). Данная основа вероятна в таких гидронимах Восточной Европы, как «Калка», «Кальмиус»; во втором случае также обращает на себя внимание достоверный индоиранский формант «миус/миусс», распространённый на обширных территориях от Днепра до Урала); Каменное озеро (семантически такое название для озера с песчано-илистым дном неоправданно, более вероятно от иранского «kalma» – «змея», особенно в связи с прежним названием этого озера – Змеиное); озеро Харовое (сравните авестийское «Хара Березайти»); озеро Обкан (по мнению В. Ф. Барашкова, в лимнониме присутствует иранский гидроформант «ап/об» со значением «вода», для форманта «кан» исследователь предполагает значение «роющий» в связи с карстовым происхождением озера [1]).

Второй пласт, если ориентироваться на историю Самарской Луки и её традиционную этнолингвистическую интерпретацию, должны были бы составлять пермоязычные топонимы (возможно, пра- или парапермские), принадлежавшие населению белогорской культуры, входившей в обширную ананьинскую культурно-историческую общность. Тем не менее достоверная пермоязычная топонимия, согласно исследованиям ведущих самарских топонимистов, а также нашим изысканиям, на Самарской Луке отсутствует [Там же; 3].

Данный факт, безусловно, требует особого рассмотрения, что и является целью нашей специальной работы. Здесь же отметим лишь, что в условиях сохранения на данной территории более архаичной топонимии полное отсутствие на Самарской Луке топонимов, происходящих из пермских языков, является веским аргументом против гипотезы о пермоязычности носителей белогорской археологической культуры.

Следующий, относительно небольшой, топонимический пласт региона можно условно обозначить как балтославянской. Исторически его можно отождествить с населением именьковской культуры, которую ведущие самарские археологи связывали с проникновением в Среднее Поволжье славянского этнического элемента, в то время как ряд специалистов из других регионов считают возможным рассматривать данную культуру как балтскую [9]. Балтский этнический элемент, вероятно, присутствовал и в предшествовавшей именьковской на Самарской Луке городищской археологической культуре. Выделение данного пласта в топонимии Самарской Луки крайне затруднено ввиду его вероятной адаптации вплоть до полного слияния с позднейшей славянской топонимией, так как достоверное проникновение славянского населения на данную территорию можно отнести к эпохе поздней Волжской Булгарии. Возможно, отголоском тех далёких времён может служить местный

(для населения села Подгоры) лимноним Моча, а также название карстового озера и урочища Елгуши. О последнем следует сказать особо. Возможные этимологии топонима «Елгуши» из мордовского «ал кужо» – «нижняя поляна» либо «ёло кужо» – «лозняковая поляна» и прочие – являются семантически неоправданными, кроме того, местное мокшанское население, по личным наблюдениям автора, показательно не считает топоним «своим» и пытается этимологизировать его из русского языка. Зафиксированная в источниках наиболее ранняя форма лимнонима – «Елгуш» делает мордовскую этимологию с формантом «кужо» ещё менее вероятной [8].

Отметим также, что для мокшанского языка фонема «е» в начале слова нехарактерна. В то же время есть основания рассматривать данное название в топонимическом ряду Елгуши – Алгаши – Алькас – Елгас – Елгаш, что восходит к обозначению священных мест у древних балтов и имеет многочисленные параллели на территории распространения городищной археологической культуры и на территории современных балтских государств [5].

Следующий топонимический пласт, выделяемый достоверно, соотносится с болгарским этапом истории Самарской Луки. Сюда мы относим и название главных гор полуострова – Жигулей (с русифицированным дубликантом «Соколы горы» на левой стороне Волги), Чиликину гору, Аусин-камень, Аскулы, Моркваша и ряд других [3]. Надо отметить, что такой традиционно относимый исследователями к болгарскому пласту топоним, как «Муромский городок», по нашему мнению, следует рассматривать как исконно русский топоним, не имеющий связи с предшествующим болгарским названием. Оригинальный же болгарский ойконим утерян, а различные отождествления названия древнего города с какими-либо ойконимами из средневековых источников остаются гипотетическими [4].

Интересным, относительно болгарского топонимического пласта на Самарской Луке, представляется также то обстоятельство, что значительную часть болгарских топонимов на данной территории можно связать с болгарским племенем эсегель. В целом это не противоречит локализации территорий проживания данного народа на южных и юго-западных рубежах бывшей Волжской Булгарии, определённой путём сопоставления данных исторических источников с топонимией Среднего Поволжья [Там же].

Собственно славянскую топонимию данной территории можно также разделить на архаичную, связанную с рыболовами времён Казанского ханства, фиксируемыми здесь в летописных источниках [7], и волжскими казаками, и современную, истоки которой восходят к XVIII веку. Провести чёткие границы здесь также затруднительно, однако в тех случаях, когда при наименовании объекта используется особая географическая терминология, присущая диалекту волжских казаков, это возможно. Мы имеем в виду такие термины, как обозначение крупных оврагов «буераками», их выходов к Волге – «полянами», высоких гор, на вершине которых были оборудованы наблюдательные пункты, – «форфосами» и т.д.

Ко времени XVII-XVIII веков восходит и подавляющее большинство чувашских и мордовских топонимов Самарской Луки в соответствующих местах расселения. Для чувашей это в основном район Большого Чувашского леса и центральная часть полуострова, для мордвы – окрестности сёл Торновое и Шелехметь, а также побережье Волги от Бахиловой Поляны до Морквашей.

Подводя итог обзору топонимических пластов на территории Самарской Луки, надо отметить, что, вероятно, значительную часть современной топонимии полуострова (русской, мордовской, чувашской) составляют адаптированные топонимы, оставшиеся от населения предшествующих эпох. Однако адаптация во многих случаях зашла настолько далеко, что достоверное выделение древних топонимов в настоящее время невозможно.

Можно лишь отметить наиболее вероятные этноязыковые среды для подобных адаптаций. Архаичная славяно-балтская топонимия может сегодня входить в пласт русскоязычной топонимии, часть болгарской топонимии практически сливается с современной чувашской топонимией полуострова.

Наиболее интересен вопрос адаптации и частичного сохранения в мордовской этноязыковой среде древнейшего топонимического пласта полуострова – индоиранских топонимов, что, впрочем, характерно не только для территории Самарской Луки [2].

В мордовском же топонимическом пласте, возможно, растворилось и топонимическое наследие представителей белогорской археологической культуры, что тем более вероятно при условии рассмотрения обширного ананьинского мира и его региональных формаций в Поволжье не только в связи с прапермянами, но и в качестве общей среды формирования финноязычного населения Восточной Европы в целом.

Тем не менее сохранившейся реликтовой топонимии Самарской Луки достаточно для того, чтобы проследить этноязыковую историю полуострова, по меньшей мере, до середины I тыс. до н.э.

Список литературы

1. Барашков В. Ф., Дубман Э. Л., Смирнов Ю. Н. Самарская топонимика. Самара: Самарский университет, 1996. 192 с.
2. Беленов Н. В. Индоиранская гидронимия в Самарском Поволжье // Научное мнение. 2015. № 2. С. 130-134.
3. Беленов Н. В. Историко-топонимический словарь Самарского Поволжья. Самара: Порто-принт, 2014. 325 с.
4. Беленов Н. В. Топонимия Волжской Булгарии в этноисторическом контексте. Самара: Порто-принт, 2016. 286 с.
5. Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря. М.: Центрполиграф, 2004. 223 с.
6. Гурьянов Е. Ф. Древние веки Самары. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1979. 81 с.
7. История о Казанском царстве // Полное собрание русских летописей: в 43-х томах. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. XIX. 328 с.
8. Кротов П. И. Озеро Елгуш на Самарской Луке // Известия Русского географического общества. Казань, 1893. С. 165-168.
9. Седов В. В. Этногенез ранних славян // Вестник РАН. 2003. Т. 73. № 7. С. 594-605.

TOPONYMY OF SAMARA BEND IN THE ETHNIC-HISTORICAL CONTEXT

Belenov Nikolai Valer'evich, Ph. D. in Pedagogy
Samara State Social-Pedagogical University
belenov82@gmail.com

In this paper the formation of the toponymy of a special region of Samara Volga Region – Samara Bend – is considered on the basis of the stages of the ethnic history of the area. The article presents the author's point of view on the relative chronology of the formation of particular toponymic layers in Samara Bend region and their ethnic-linguistic identity. The researcher also gives the etymology of a number of toponyms; a part of them is represented as working hypotheses.

Key words and phrases: Samara Bend; toponymy; toponymic layers; ethnic-linguistic history; archaeological culture.

УДК 81'373.21

В данной статье рассматриваются основные лингвокультурологические характеристики современной квебекской топонимии. Топонимическая лексика выступает одним из наиболее актуальных предметов исследования различных отраслей научного знания, раскрывая и/или подтверждая важные процессы, протекающие в обществе. Цель данной статьи – выявить посредством лингвокультурологического анализа базовые культурные ценности жителей канадской провинции Квебек. Предпринятый анализ является шагом на пути к реконструкции языковой картины мира квебекцев.

Ключевые слова и фразы: топонимикон; имя собственное; языковая картина мира; квебекский национальный вариант французского языка; лингвокультурология.

Болотина Ксения Эдуардовна

Российский университет дружбы народов
ksenia.bolotina@mail.ru

ТОПОНИМИЯ КВЕБЕКА: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Donner un nom à un objet, à une personne ou à un lieu, c'est en confirmer l'existence.

Henri Dorion¹

Топонимикон как совокупность географических названий является плодотворным объектом исследований для целого ряда научных дисциплин. Результаты топонимических исследований находят свое применение в различных областях гуманитарного знания: лингвистике, лингвокультурологии, этносоциолингвистике, истории, географии и многих других.

Условно все топонимические исследования в лингвистике можно подразделить на два вида: традиционные и новые. Традиционные топонимические исследования фокусируются на изучении собственно лингвистических характеристик топонимии, в то время как новые топонимические исследования, как верно отмечает О. С. Чеснокова, направлены на «реконструкцию и интерпретацию языковой картины мира, т.е. закрепленных в языковых знаках особенностях мировосприятия социума» [4, с. 148]. Анализ квебекского топонимикона, предпринятый нами в данной статье, будет шагом именно в этом направлении.

Современный квебекский топонимический корпус составляют в основном наименования на французском, английском и местных индейских языках. По словам отечественного специалиста по топонимии Квебека Г. С. Доржиевой, тесное взаимодействие данных культур является «одним из главных факторов, определивших культурно-этническую специфику Квебека», отраженную в региональной топонимии [1, с. 13]. По данным на 2006 год, приводимым Топонимической комиссией провинции Квебек, 72% зарегистрированных и официально утвержденных топонимов имеют французское происхождение, 12% – английское, 10% – автохтонное и оставшиеся 6% составляют топонимы иного или неизвестного происхождения [14, р. XXXVI]. Среди топонимов иного происхождения отдельно отметим наименования баскского происхождения, которые вошли в топонимическую лексику в XVI в. в связи с освоением басками мест для рыбной ловли. О присутствии басков в местности реки Св. Лаврентия свидетельствуют такие топонимы, как *Lac du Basque, Île aux Basques, Anse aux Basques, Rivière du Basque*. Данные наименования обозначают местности, расположенные с разных сторон реки Св. Лаврентия: из *Озера Басков (Lac du Basque)* вытекает *река Басков (Rivière du Basque)*, которая, в свою очередь, впадает в реку Св. Лаврентия через залив *Chafaud aux Basques*. Как пишет канадский исследователь и журналист Алан Рэйберн (*Alan Rayburn*), в этом заливе великий французский путешественник и основатель Квебека Самюэль де Шамплен встретил баскских рыбаков,

¹ Дать имя предмету, человеку или месту – значит подтвердить его существование. Анри Дорион (здесь и далее перевод автора статьи – К. Б.) [12, р. XXIII].